

УДК 316.4
JEL: P250, Z130, O170

doi: 10.18184/2079-4665.2016.7.4.89.96

ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОПРЯЖЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ *

Гульнара Фатыховна Ромашкина¹, Владимир Александрович Давыденко²

¹⁻² ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10

¹ Доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике
E-mail: gr136@mail.ru

² Доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Финансово-экономического института
E-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.10.2016 Одобрена: 02.12.2016

* Статья выполнена при финансовой поддержке фонда РФНФ, проект №16-03-00500. Тюменский государственный университет. (The work was supported by the Russian Foundation for Humanities Fund, a project №16-030-00500. Tyumen State University).

Аннотация. В статье раскрывается проблематика жизненного мира и региональной идентичности, как сопряженных научных контекстов. Рассмотрены научные традиции социальной феноменологии, эпистемологии, понимающей социологии, социологии действия и антропосоциетальной концепции. Представленные научные изыскания являются частью работ, которые поставили целью распознать и проблематизировать особенности смыслов социальной жизни региональных сообществ, социокультурные смыслы региональной жизни, взятые с точки зрения концептов социальной реальности, жизненного мира, личностной картины мира, коллективных, поселенческих и территориальных идентичностей, доверия, и понимаемые как некие ментальные модели смысловых структур на уровне конкретного индивида.

Новизна исследования заключается в попытке сопряжения на конкретном эмпирическом материале познавательных и объяснительных моделей конкурирующих научных течений: феноменологии и социологии действия. Методология включает анализ результатов массовых конкретных социологических исследований, проводимых в одном из благополучных регионов России (Тюменской области). Модернизация (колонизация) жизненного мира (в терминах Ю. Хабермаса) рационалистическими (бюрократическими) структурами наглядно демонстрируется на богатом эмпирическом материале с привлечением методов корреляционного анализа. Противоречия между системой (экономикой и государством) и жизненным миром (частной и общественной сферами), вокруг которых кристаллизуются социальные роли и ложной демонстрации коммуникативных отношений, что наблюдается в современной России. Наиболее сильно укорененность проявляется на уровне жизнедеятельности местных сообществ. Делается вывод, что изменчивость «социального мира» (в традиции К. Поппера) компенсируется (или конкурирует) с устойчивостью «субъективного мира». Наблюдаемые траектории демонстрируют явные, четко фиксируемые движения в сторону модернизации социального мира, но этого оказывается недостаточно для перехода общества на иную, современную траекторию своего исторического развития.

Ключевые слова: жизненный мир, социокультурный, мониторинг, регион, идентичность, социум, смысл, слои близости, доверие, интенция.

Для ссылки: Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А. Жизненные миры и региональная идентичность как сопряженные научные проблемы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 4. С. 89–96. doi:10.18184/2079-4665.2016.7.4.89.96

Введение. Проблематика смысловых структур социальной жизни как конкретных способов выражения базовых ментальных репрезентаций и общих моделей развития событий, понимания смыслов как основных индикаторов социальной жизни обсуждается, пожалуй, на протяжении всего существования социологии как науки. Однако, на наш взгляд, эмпирические исследования в социологии часто не согласуются с теоретическими моделями. Отмеченной проблеме может быть несколько объяснений, в том числе и рассогласование философски обсуждаемой и эмпирически описываемой социологами жизненного мира и структуры социальной жизни. Введение

в научный оборот понятия смысл в описание жизненного мира человека и его личностной картины мира имеет философскую традицию. В философском понимании смысл как правило, к утверждению о «внеположенной сущности феномена, оправдывающей его существование», и связывается с «более широким пластом реальности» [1]. Социологи обычно изучают установки на постижение смыслов социальной жизни, жизненного мира, личностной картины мира, повседневного знания, в традиции понимающей социологии Макса Вебера [2], которые были развиты Дж. Александером [3] и др. В России изучаются современные инварианты концептов смысловых струк-

тур социальной жизни в научных работах Н.И. Лапина [4] и Ж.Т. Тощенко [5].

Описание эмпирической базы

Эмпирические данные были собраны и проанализированы в рамках всероссийского научного проекта «Социокультурные портреты регионов России» под руководством Н.И. Лапина [6]. По указанному инструментарию авторы данной статьи при поддержке фонда РГНФ провели 5 волн мониторинга на территории Тюменской области. Выборки репрезентируют население Тюменской области старше 18 лет по половозрастной структуре и образованию в разрезе территории проживания и типа поселения. В данной статье используются результаты опросов 1715, 1560, 2335, 1271 и 1514 человек в 2006, 2009, 2011, 2013 и 2016 гг. соответственно жителей Тюменской области (без автономных округов). В процентном соотношении выборка 2016 г. составила: 34,7% сельского и 65,3% городского населения; 46% мужчин и 54% женщин. Ошибка выборок по одному признаку согласно формуле Паниотто не превышала 2,5%. Эти данные опубликованы в монографиях и статьях, в том числе [7]. Особенностью данных является их мониторинговый характер и региональная локация.

Исследуемая научная проблема: изучение динамики региональной идентичности и социальной жизни представителей регионального сообщества, жителей региона, на основе социокультурного мониторинга. Рассмотрены взаимодействие самостоятельности (зависимости), региональной идентичности (укорененность) и слоевая близость жителей региона. Жизненный мир понимается, в первом приближении, как сопоставление опыта и действий человека и его референтной группы в виде смыслового контента как содержания того информационного ресурса, который определяет специфику актуальных форм жизнедеятельности акторов и их эвристической активности; как совокупность основных смыслов жизни, учитывающих глубинные основы бытия человека [8, с. 6].

Обзор литературы

Проблематика жизненного мира человека и личностной картины мира, сопряжённая со смысловыми структурами, составляет одно из важнейших направлений современных философских, культурологических и социологических изысканий. Жизненный мир как теоретическое и эмпирическое понятие, как известно, ввёл Э. Гуссерль [9], как мир, на который направлено интенциональное сознание. Хотя это понятие обладает кажущейся простотой, вызывающей комбинацией употребительных слов: «жизнь» [das Leben] и «мир» [die Welt], тем не менее, оно в своей основе имеет достаточно глубокие смыслы, а также структуры и значения. Если «жизненный мир» – это интересубъективный мир, и именно в понятии интересубъективности кристаллизуются возможности более тесного союза между феноменологией и со-

циологией; то «социальный мир» – это просто «другой» мир, конституированный смыслами, которые имеют свои значение и структуру релевантностей. Жизненный мир и его смыслы предстают как сфера человеческого опыта, ориентаций и действий, посредством которых люди осуществляют свои планы, дела и интересы, манипулируя объектами и общаясь с другими людьми [9, с. 140].

Концепт личностной картины мира представлен в теории Т.А. ван Дейка [8]. Он исходит из детерминации познания человека глубинными концептуальными структурами его личностной картины мира, фундамент которой составляет модель ситуации. Смыслы и содержание модели ситуации (время, место, контекст, действия, участники, причины, цели, последствия, категории оценки) – вариативны, но позволяют чётко понимать разные тексты и различные контексты [8, с. 45–60]. Социальные ситуации личностной картины мира интерпретируются ван Дейком с точки зрения смысловых и дискурсивных структур как функциональные корреляты общих моделей, которые построены и истолкованы на основании предшествующего накопленного опыта и под влиянием общих, стереотипных социальных установок.

Жизненный мир общества, по сути дела, создается благодаря деятельности людей, имеющих субъективные значения [Э. Дюркгейм], подобно тому, как по М. Веберу общество представляет собой объективную фактичность. Принимая основные постулаты М. Вебера, А. Шюц проанализировал смыслы таких понятий, как субъективно осмысленное действие, понимание на основе наблюдения, мотивационное понимание, понятия субъективной и объективной интерпретации. Смыслы социальной жизни А. Шюц проанализировал не только с позиций жизненного мира (Lebenswelt) или личностной картины мира, но и с позиций повседневного жизненного мира (Alltägliche Lebenswelt), обыденной жизни (Alltag), повседневности (Alltäglichkeit) [10].

Феноменологический подход к прояснению своих понятий отличается от подходов, свойственных другим направлениям, – подчеркиванием необходимости установления связи между базовыми понятиями и жизненным миром. Понятия «жизненный мир» и «повседневность» в работах П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шюца [1, с. 36] рассмотрены в том широком смысле, когда они выступают основой дифференциации способов отношения к миру. Обнаруживается имплицитная логика в развитии концепта жизненного мира от исходной смысловой точки философско-методологического анализа к экзистенциальным и социально-феноменологическим смыслам и в дальнейшем – к использованию ими эвристического потенциала в целях исследования оригинальных социально-философских смысловых стилистик жизненного мира и жизненной среды, пределов самореализации индивида и его референтных групп.

Жизненный мир в концепции Ю. Хабермаса сопряжён с системами действия как первый теоретический комплекс его двойственной конструкции общества, связывающей жизненные миры и системы; теории коммуникативного действия и коммуникативной рациональности как второй его теоретический комплекс конструкции общества; теории модерна – третий его теоретический комплекс конструкции общества, объясняющий всё более становящиеся очевидными социальные патологии современности. Коммуникативно структурированные жизненные миры подчиняются императивам, ставшим самостоятельными [11]. По мере дифференциации структур жизненного мира в парадигме Ю. Хабермаса спектр форм проявления «общественных патологий» становится всё более разнообразным, в зависимости от того, какие структурные компоненты недостаточно обеспечиваются [12]. В обществе углубляется рационализация жизненного мира через переориентацию на деньги и власть, вычленение хозяйства и государства как систем действия, для которых жизненный мир становится внешним миром. Со своей стороны, соотнесение внешнего мира и конструкций жизненного мира, возможно провести через концепт доверия и его влияния на социально-экономические процессы [13], опираясь на концепт сред обитания в их экономическом проявлении как внешних условий существования индивидуума [14].

Обсуждение результатов

Ключевая особенность концепции жизненных миров, сопряжённых со смыслами социальной жизни регионального сообщества состоит в том, что смыслы и смысловые структуры предстают как основные индикаторы жизненного мира. Предполагается наличие социокультурных связей, обнаруживаемых с помощью корреляций признаков региональной укоренённости [regional embeddedness], территориальной идентичности [territorial identity] и слоевой близости, которые входят как модели смысловых структур в жизненные миры. Например, как показали наши эмпирические исследования, уровни идентичности и интенции (мотивации) жителей, сопряжённые со своим «поселением» – в 4–5 раз выше, чем их идентичности / интенции с их «регионом» и «страной в целом» [7].

Самостоятельность индивида – это, с одной стороны индивидуальное свойство личности, характеризующее независимость индивидуума, умение принимать ответственные решения и нести за них ответственность, и с другой стороны социальная характеристика отражающая наличие социальных условий (возможностей) самим людям решать жизненно важные проблемы и улучшать свою жизнь. Степень самостоятельности жителей региона определялась из распределения ответов на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от 1) вас сами; 2) близких

родственников; 3) друзей, земляков; 4) начальника по работе; 5) районной, городской властей; 6) областной власти; 7) общероссийской власти». В 2016 г. большинство опрошенных (88%) считают, что улучшение их жизни зависит от них самих, лишь 4% опрошенных посчитали, что от них ничего не зависит. Высока зависимость от близких родственников (64%), что в вполне закономерно. Распределение кругов зависимости имеет следующую последовательность: сам человек (0,88), родственники (0,64), федеральные (0,62), местные (0,56) и региональные власти (0,56), начальство по работе (0,52) и друзья (0,45). Далее показатели зависимости определяются как средние значения ответов на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит?», приведенные в шкалу от 0 – полностью не зависит до 1 – полностью зависит. В итоге коэффициент самостоятельности ($K_{\text{сам}}$), рассчитываемый как разность между показателем зависимости индивидуума от своих усилий и средне-взвешенным от суммы всех остальных показателей зависимости, в динамике принимает значения 0,32; 0,28; 0,27, 0,33, 0,32 в 2006, 2009, 2011, 2013 и 2016 гг. соответственно.

Основными предположениями теорий модернизации принято считать примат ценности личности, рост самостоятельности и автономности индивидуума. Так, традиционалистские общества считаются более «общественными», тогда как общества «модерна», так называемый «коллективный Запад» принято относить к обществам индивидуализированным, в крайнем своем выражении «атомизированным». По материалам нашего мониторинга нет существенной динамики среднего уровня самостоятельности, и его конкретное значение для индивидуума связано прежде всего с удовлетворенностью жизнью в целом ($K_{\text{Спирмена}} = 0,341$ при $p < 0,001$) и самооценками материального положения ($K_{\text{Спирмена}} = 0,32$ при $p < 0,001$). Здесь и далее будем применять коэффициент корреляции Спирмена при максимальном уровне значимости.

Ранжирование кругов взаимопонимания (табл. 1) демонстрирует устойчивую иерархию кругов взаимопонимания. В 2016 г. это: семья (45%), друзья (28%), работа (13%), соседи (8%), этническая (3%) и религиозная (2%) общности. Полученные результаты подтверждают высокую значимость традиционалистской ценности семьи, но ее относительный вес снижается в динамике. Второй и третий ранг имеют близости «друзья», «по месту работы», и роль последнего резко возрастает. Можно предположить, что персонализированные социальные связи используются для снижения «издержек беспорядка» [10] в экономике и обществе, возникающие вследствие затрат на экономическую и личную безопасность, нехватки общественных благ и услуг. И эти связи в совокупности занимают более 70% личного пространства, но очевидно, что идет процесс

Распределение ответов на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» (% от числа ответов, по столбцу)

Таблица 1

Table 1

Answers to the question "Among some people you meet the greatest understanding?" (% of answers in a column)

Словесная близость:	2006 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2016 г.
В семье	63	64	61	61	45
В компании друзей	25	20	22	25	28
Среди соседей	2	3	4	3	8
На работе	6	6	8	6	13
Среди людей моей национальности (только 2016 г.)	0	0	0	0	3
В кругу единомышленников	1	2	2	2	2
Другое	1	2	1	1	1
Нигде	1	3	3	3	1
Всего	100	100	100	100	100

модернизации последнего в сторону менее персонализированного социального общения.

Для оценки степени близости жителей региона с жителями различных территориальных общностей, использовался вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность ("Свое" – "Чужое") с: 1) жителями поселения, в котором живете (деревня, село, город); 2) жителями всей области; 3) жителями всей России; 4) жителями бывших республик СССР; 5) жителями всей Земли». Результаты за 2011–2016 гг. в Тюменской области представлены в табл. 2, ранее в такой редакции вопрос не задавался.

Хорошо видно, что поселенческая близость доминирует в жизненном мире (60%). Однако растет вес общероссийской и региональной близости. Можно заключить, что сужение мира россиян на уровень поселения остается одной из основных проблем, но имеется тенденция к ее преодолению. Однако, остаются слабыми следующие 4 уровня, которые занимают не более половины от поселенческого уровня, а всемирный уровень (самый слабый уровень идентификации) занимает четверть от поселенческого, то есть 15% жителей региона ощущают свою близость с жителями всей Земли. Тем не менее, в динамике демонстрируется расширение кругов близости по всем направлениям измерения, кроме регионального. Даже самый слабый уровень – всемирный, расширился для жителей региона практически на половину от 10 до 15% опрошенных жителей региона.

Пространство доверительных отношений позволяет косвенным образом вычленивать корреляцию внешних и внутренних структур жизненного мира. Наиболее «жесткие» структуры: суд (59%), губернатор (56%), прокуратура (55%), воспринимаются как институты защиты личности в системе государственных отношений, и индекс доверия к ним имеет наи-

более высокие значения. Работодателю (60%) люди доверяют больше, чем любым другим региональным институтам власти. Однако, предприниматели и бизнес (45%) находятся в «хвосте» по индексу доверия.

Межличностное доверие имеет самый низкий уровень индекса (45%), демонстрируя существенно больший разброс, наиболее заметный в зоне полного недоверия. Так, предпочитают отвечать «Даже излишняя осторожность не помешает» в диапазоне от 0 до 0,2 не менее 15% респондентов, тогда как в аналогичном диапазоне (недоверия)

для сводного индекса институционального доверия находятся ответы менее 5% респондентов.

Структурно-корреляционный анализ показывает сильную связь между всеми компонентами институционального доверия, демонстрируя единство отношения респондентов к властным и силовым институтам. Уровень внутренней корреляции индексов доверия к данным институтам составляет 0,7–0,6 при максимальной значимости. Но и остальные индексы доверия коррелируют друг с другом не ниже $K_{\text{Спирмена}} = 0,3$ при $p < 0,001$. Взаимосвязь между компонентами институционального и межличностного доверия статистически устойчива, но слабая, коэффициент Спирмена варьируется от 0,09 до 0,171, вероятность ошибки не превышает 0,001. Более значима связь (эластичность) между уровнем защищенности индивидуума и параметрами обобщенности доверия (0,49 по сводному индексу институционального доверия и 0,1 по индексу межличностного доверия), см. табл. 3. Уровень защищенности индивидуума наиболее тесно связан с доверием к полиции ($K_{\text{Спирмена}} = 0,416$), но средний уровень институционального доверия оказался гораздо более тесно связан с уровнем защищенности, чем каждый из его частных составляющих. Последнее можно интерпретировать как эластичность доверия к институтам власти по уровню защищенности в совокупности всех важных для личности аспектов.

В антропосоциетальной теории Н.И. Лапина представлена концепция социального самочувствия, которая инвариантна концептам личностной картины мира и жизненных миров. Социальный мир создается как таковой в процессе социальных взаимодействий людей, в итоге является результатом их жизнедеятельности. Свой жизненный мир люди воспринимают и переосмысливают при помощи своих собственных

Таблица 2
Степень интенсивности слоевой близости («Свое» – «Чужое»)*

Table 2

The degree of proximity layered intensity ("His" – "Alien")

		2011 г.	2013 г.	2016 г.
Жители поселения, в котором я живу	есть близость	56	60	60
	нет близости	16	18	20
Жители всей моей области	есть близость	20	32	38
	нет близости	34	31	34
Жители всей России	есть близость	18	23	27
	нет близости	34	34	38
Жители бывших республик СССР	есть близость	12	14	17
	нет близости	39	41	45
Жители всей Земли	есть близость	10	12	15
	нет близости	36	36	43
Жители моего федерального округа (только с 2016 г.)	есть близость	-	-	23
	нет близости	-	-	41

*% вычислены от числа опрошенных, с учетом отсутствующих ответов

наборов конструктов, которые в итоге детерминируют их повседневное поведение, выявляя при этом их цели, включающие доступные средства, помогающие им определяться, чтобы жить достойно в их понимании, в согласии с собой и другими. Если современные демократические общества сохраняют примат жизненного мира над подсистемами, которые сформированы над их организационными структурами, то авторитарные общества, как правило, нарушают автономию жизненного мира. Центральным вопросом социального самочувствия становится вопрос о соотношении жизненного мира как социального знания с повседневными значениями (конструктами первого порядка, по А. Шюцу [10]) и прогнозами своего будущего («дискреционными временными горизонтами» как конструктами второго порядка по Е. Жаке [15]). Как правило, под социальным самочувствием понимается динамика оценок людьми текущего социально-экономического положения, их положения в сферах потребления занятости, оценок рисков снижения уровня благосостояния и перспектив выхода из кризисного состояния. Социальное самочувствие понимается, как интегральная характеристика, включающая личные и социальные компоненты, графически представленные пятью линиями (2006–2016 гг.), отражающие агрегированные ответы на соответствующие вопросы. Методы расчета составляющих разработаны сотрудниками ЦИСИ ИФ РАН (Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), применялись в [6–7, 16].

Рассмотрим ответы на вопрос: «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?», % ответов «стали жить значительно лучше»+ «стали жить несколько лучше», (кривая (5) на рис. 1). Если в 2006 г. положительную динамику отметили 44% опрошенных, то в кризисном 2009 г.

уже 19%. Далее ситуация быстро выправилась, но новый кризис обрушил уровень жизни, улучшение жизни за текущий год в той или иной степени отметили только 16% опрошенных. Оптимизм в ближнем горизонте, выражается как положительные ответы на вопрос «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?», % ответов «будем жить значительно лучше»+ «будем жить несколько лучше», кривая (4). Кривые (4) и (5) – наиболее эластичные к внешней ситуации составляющие социального самочувствия (рис. 1).

Третья компонента выражает оптимизм в дальнем горизонте, найдена как положительные ответы (вполне уверены+скорее уверены, чем нет) на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?», кривая (3). Ситуация 2016 г. оказалась наиболее тяжелой для жи-

телей региона, как и для всей страны. Но люди не теряют оптимизма, и надеются на улучшение. Поскольку людям в принципе свойственно надеяться на лучшее, то, чем хуже их текущая ситуация, тем больше надежд они обращают в более отдаленное будущее. Удовлетворенность жизнью в целом, кривая (2), обычно отмечается как некая характеристика «социального счастья». Удовлетворенность жизнью в целом за 10 лет наблюдений выросла на 18% (49% опрошенных в 2006 г., 67% в 2016 г. полностью или частично удовлетворены своей жизнью в целом). Подобно «социальному счастью» выросло субъективное ощущение защищенности, кривая (1). Индекс защищенности определен как среднее арифметическое от 10 проблем-опасностей в ответах на вопрос «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» В инструментарии [6] на выбор давался перечень из 10 проблем-опасностей, ответы жителей России в 2006 и 2010 гг. и Тюменской области в динамике 2006–2016 гг. представлены. Во всех анализируемых вопросах используется 5-ти уровневая порядковая шкала, и более подробно вывод коэффициентов показан в [7], в данной статье нет возможности привести все расчеты.

Рост разброса пяти компонентов на рис. 1 отражает глубину и тяжесть кризиса. Отметим нарастание искажения социального пространства, когда респонденты отмечают ухудшение своей жизни практически по всем социально-экономическим индикаторам, но отмечают рост социальной защищенности, растет удовлетворенность жизнью в целом («социальное счастье»). При этом сохраняется некоторая устойчивая «средняя», которую можно проинтерпретировать как общее социаль-

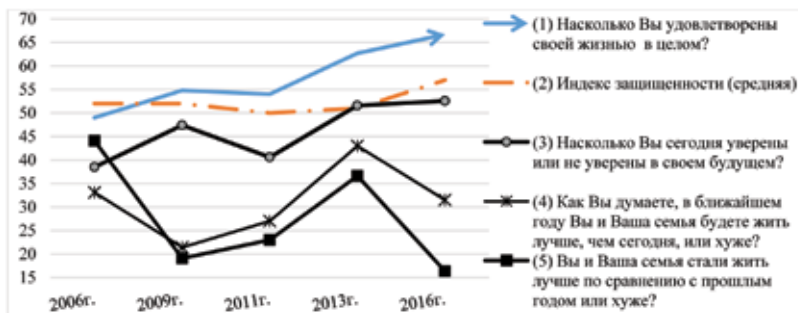

Рис. 1. Динамика положительных ответов на вопросы, отражающие компоненты социального самочувствия: индекс защищенности (Кз), оценки настоящего, ближайшего, отдаленного будущего и удовлетворенность жизнью в целом, в % от числа опрошенных 2006, 2009, 2011, 2013, 2016 гг.

Fig. 1. Dynamics of positive answers to the questions that reflect social wellbeing components: protection index (Ks), this assessment, the nearest, distant future and satisfaction with life in general, in% of those surveyed in 2006, 2009, 2011, 2013, 2016

ное самочувствие, отражающее не столько реакцию на внешнюю ситуацию, сколько состояние внутреннего, «жизненного» мира.

Эмпирические индикаторы жизненных миров и повседневности, которые введены под названиями «тактический оптимизм» и «стратегический оптимизм», сопряжены с концептами горизонта жизненных миров как совокупности «возможных или действительных горизонтов опыта человеческой жизни» (Э. Гуссерль [9]) и «дискреционных временных горизонтов» Е. Жаке [15]. Жизненный мир Э. Гуссерль называл универсальным горизонтом, трактуя его как соединение различных форм горизонтов (актуального, временного, исторического), которые в той или иной мере задают предельно дальние круги возможных отношений к самому себе, природному миру, историческому сообществу. «Пирамиду опасностей» респонденты располагают по убыванию в

следующем порядке: бедность (43%), произвол чиновников (38%), преступность (36%), произвол правоохранительных органов (31%), одиночество и заброшенность (28%), экологическая угроза (27%), преследования за политические убеждения (18%), притеснения из-за возраста или пола (16%), притеснения за религиозные убеждения (7%), ущемление из-за национальности (7%). В динамике самооценки уровня защищенности в целом растут, причем в Тюменской области, как одном из самых благополучных субъектов РФ, более быстрыми темпами, чем по России в целом (см. рис. 1) [16]. Наши данные подтверждают теорию

Ю. Хабермаса. Структуры, которые должны заниматься защитой и безопасностью располагаются между системой действий (экономикой, финансами и государством) и жизненным миром (частной и общественной сферами как социальных объективаций повседневной жизни), вокруг которых кристаллизуются соответствующие социальные роли. Несмотря на объективно ухудшающуюся ситуацию в России, региональный социум демонстрирует замечательный рост индекса «социального счастья» и стратегического оптимизма как результат воздействия на социальное сознание внешней системы. И это происходит, невзирая на то, что оценки текущего состояния особенно низки, а индекс тактического оптимизма относительно снизился, но сохраняется превышение позитивных оценок над негативными.

Территориальная идентичность, наряду с социальным доверием, есть фактор смыслового структурирования социального пространства. Она может быть интерпретирована как эмоционально-окрашенное отношение жителей к своему региону. Наше исследование показывает, что с увеличением уровня институционального доверия повышается уровень осознания своей близости с жителями области, растут компоненты социального самочувствия. Однако, взаимосвязь региональной идентичности и социального самочувствия не очевидна (рис. 2). Наиболее высока эластичность территориальной (региональной) идентичности по общим оценкам жизни (удовлетворенность

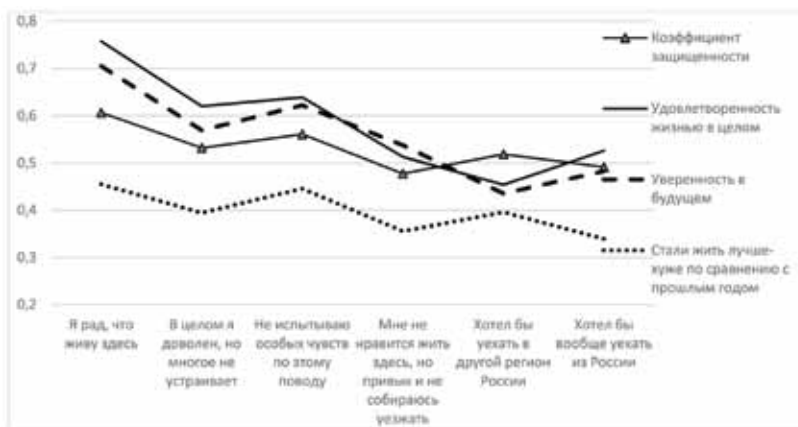

Рис. 2. Зависимость индикаторов территориальной (региональной) идентичности и составляющих социального самочувствия, индекс (меняется от 0 (минимальный) до 1 (максимальный уровень))

Fig. 2. Dependence territorial indicators (regional) identity and social wellbeing components index (ranges from 0 (minimum) to 1 (maximum level))

жизнью в целом) и социальному оптимизму. Тогда как самооценки динамика материального благополучия, уровень защищенности такой эластичности не демонстрируют.

Заключение

Выделяемые на основе эмпирических индикаторов слоевые близости (идентичности, доверия) могут увеличиваться, выходя далеко за рамки своей семьи, или сжиматься, замыкаясь только на самых близких людей, тех, с кем люди общаются непосредственно (семья, друзья и т.д.), что обуславливает история их интеракций, очерчивающих контуры их поведения по отношению друг к другу. Когда происходит расширение сферы общения, идентичности, это помогает обретению людьми надёжных ориентиров. Одновременно подтверждается высокий социальный уровень идентичности – внутренней солидарности человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами. Укрепление идентичности и расширение слоевой близости индивидуумов определяют их принадлежность к целостной региональной (и/или местной) структуре, осознание своей сопричастности и определенного положения в ней. Идентичность и слои близости, встроенные в системы жизненных миров, помогают их обладателям найти свою социальную нишу, реализовать свою потребность в самоактуализации. Эти компоненты жизненного мира, могут выступать важным ресурсом практической деятельности.

Социальный мир (в традиции К. Поппера) быстро меняется, но жизненный мир остается удивительно устойчивым, и только поистине тектонические сдвиги могут привести к значимым изменениям ткани последнего. Однако, если такие изменения происходят, общество переходит на иную траекторию своего исторического развития. И наоборот, если изменения не затрагивают «глубинные слои человеческого сознания», все внешние потрясения приводят к временным, внешним деформациям, но далее общество снова «соскальзывает» на историческую колею, что и наблюдается в постсоветский период развития российского общества. Текущее состояние смысловых и дискурсивных структур (в терминах ван Дейка) отражают систематическое подавление их официальными идеологическими доктринами, и чем сложнее внешняя ситуация, тем менее самостоятельны такие структуры. Институциональная структура модерна входит в конфликт с жизненными мирами, колонизуя их и навязывая им свою логику, что в крайних своих проявлениях приводит к практическому отторжению экономического действия со стороны жизненных миров, препятствует развитию инициативы и активности, без которых нет возможности выхода за пределы сырьевой зависимости [17]. Последние замечания особенно актуальны для современных институциональных условий в российской экономике.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: Перевод с немецкого / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология: пер. с англ. Г.К. Ольховникова; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
4. Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 28–39.
5. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретико-методологическая основа исследований жизненного мира / В кн.: Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / под ред. Тощенко Ж.Т. ЦСП и М, 2016. С. 10–32.
6. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: МФРАН, 2010.
7. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области / Андрианова Е.В., Арбитайло И.Я., Ахмедзянова Р.М., Дашина Я.Н., Комбарова Т.В., Корепанов Г.С., Печеркина И.Ф., Степанова М.В., Тарасова А.Н., Хвоцин А.С., Худякова М.В., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. Коллективная монография. Тюмень, 2015. 358 с.
8. Ван Дейк Тён А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: Либроком. 2014. 344 с.
9. Husserl E. The Crisis of European Sciences and transcendental phenomenology. М.: Publishing house "Vladimir Dal", 2004. 403 s.
10. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ.; общая и научная редакция, послесловие Н.М. Смирновой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
11. Habermas J. Die Problematik des Sinnverstehens in den Sozialwissenschaften // Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1981. P. 152–203.
12. Habermas Jürgen. Der philosophische diskurs der modern. Frankfurt am Main, Zwölf Vorlesungen Suhrkamp Verlag. 1985.
13. Диденко Н.И., Ромашкина Г.Ф., Ромашкин Г.С. Доверие как социальный феномен и условие экономического роста Арктического региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4-1 (24). С. 29–34.
14. Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф. Концепция моделирования развития территорий российской части Баренцева Евро-Арктического региона: институционально-функциональный подход // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4-1 (24). С. 169–179.
15. Jaques E. The Forms of Time. London: Heinemann, 1982.
16. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общая редакция Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2009. 807 с.
17. Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф., Киккас К.Н. Анализ стратегии экспортно-сырьевой ориентации развития российской экономики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 3-1 (23). С. 78–87.

LIFE WORLDS AND REGIONAL IDENTITY AS AN ASSOCIATED SCIENTIFIC PROBLEMS

Gulnara Romashkina, Vladimir Davydenko

Abstract

The article deals with the problems of the life-world and regional identity, as a conjugate scientific contexts. The authors reviewed the scientific tradition of social phenomenology, epistemology, interpretive sociology, sociology of action and anthropology. Presents the scientific research, which set a goal to recognize and problematize particular meanings of social life of regional communities, socio-cultural meanings of regional life, taken from the perspective of the concepts of social reality, the life of the world, personal picture of the world, collective, settlement and territorial identity, trust, understood as a kind of mental model semantic structures. The novelty of the research is to try to joints on concrete empirical evidence of cognitive and models competing scientific currents: phenomenology and sociology of action. The methodology includes an analysis of the results of the mass of concrete sociological research carried out in one of the most prosperous regions of Russia (Tyumen region). Modernization (colonization) of the life of the world (in terms of Habermas) rationalist (bureaucratic) structures clearly demonstrated the rich empirical material involving the correlation analysis methods. The contradictions between the system (the economy and the state) and the life-world (private and public spheres), which crystallized around the social role and false demonstration of communicative relationship that occurs in Russia today. Manifested most strongly rooted in community life. The authors demonstrate how the variability of "social peace" is offset (or compete) with resistance "subjective world". The observed trajectory demonstrate movement towards the modernization of the social world, but this is not enough to go to a different society, a modern path of historical development.

Keywords: life-world, socio-cultural, monitoring, region, identity, society, meaning layers of intimacy, trust, intention.

Correspondence: Romashkina Gulnara F., Davydenko Vladimir A., Tyumen State University (625003, Tyumen, st. Semakova-10), Russian Federation, gr136@mail.ru; vlad_davydenko@mail.ru

Reference: Romashkina G. F., Davydenko V. A. Life worlds and regional identity as an associated scientific problems. *M.I.R. (Modernization. Innovation. Research)*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 89–96. doi: 10.18184/2079-4665.2016.7.4.89.96

References

1. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. (In Russ.)
2. Weber M. The Basic sociological concepts. Selected works: Translated from German / Comp., General editorship and afterword Y.N. Davydov; Foreword. P.P. Gaidenko. Moscow: Progress, 1990. pp. 602–643. (In Russ.)
3. Alexander J. Sense of social life. Cultural sociology / Trans. from English G.K. Olhovnikova, ed. D.Y. Kurakin. M.: Publishing. and Consulting Group "Praxis", 2013. 640 p. (In Russ.)
4. Lapin N.I. New problems of the study of regional communities. *Sociological researches*, 2010, no. 7 (315), pp. 28–39. (In Russ.)
5. Toszhenko Zh.T. Sociology of life as a theoretical and methodological basis of studies of the life-world / In: The life-world of Russians: 25 years later (late 1980-s to mid – 2010-s): Scientific publication / edited by Toszhenko Zh.T. CSP and M, 2016, pp. 10–32. (In Russ.)
6. Lapin N.I., Belyaeva L.A. Program and the typical tools of "socio-cultural portrait of the region" (Modification – 2010). Moscow: IF RAN, 2010. (In Russ.)
7. Sociocultural dynamics – a portrait of the Tyumen region: collective monograph / Scientific editorship of G.F. Romashkina, V.A. Davydenko. Tyumen: Publishing house of the Tyumen State University, 2015. 358 p. (In Russ.)
8. Van Dijk Teun A. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies. Houndsmills: Palgrave MacMillan, 2008. (In Russ.)
9. Husserl E. The Crisis of European Sciences and transcendental phenomenology. Moscow: Publishing house "Vladimir Dal", 2004. 403 p. (In Eng.)
10. Schütz A. Favorites: The World of glowing sense / Trans. with German and English. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 1056 p. (Series "the Book of light"). (In Russ.)
11. Habermas J. Die Problematik des Sinnverstehens in den Sozialwissenschaften / Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1981. pp. 152–203. (In Eng.)
12. Habermas Jürgen. Der philosophische diskurs der modern. Frankfurt am Main, Zwölf Vorlesungen Suhrkamp Verlag. 1985. (In Eng.)
13. Didenko N. I., Romashkina G. F., Romashkin G. S. Trust as a social phenomenon and a condition for economic growth. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie) = M.I.R. (Modernization. Innovation. Research)*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 29–34. (In Russ.)
14. Didenko N. I., Skripnuk D. F. The concept of modeling the development of the territories of the Russian part of the Barents Euro-Arctic Region: institutional and functional approach. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie) = M.I.R. (Modernization. Innovation. Research)*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.)
15. Jaques E. The Forms of Time. London: Heinemann, 1982.
16. Regions in Russia: sociocultural portraits of regions in all-Russian context / Compilation and General edition N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M., 2009. 807 p. (In Russ.)
17. Didenko N. I., Skripnuk D. F., Kikkas K. N. The analysis of the Russian raw materials exporting strategy. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie) = M.I.R. (Modernization. Innovation. Research)*, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 78–87. (In Russ.)